

Жарь-птица и царевна Василиса-краса, золотая коса,

Не въ слободѣ, не въ селѣ,
А въ невѣдомой землѣ,
Въ царствѣ дальномъ, тридесатомъ,
Пребольшомъ и пребогатомъ,
Жилъ и правилъ нѣкій царь,
Славный, сильный государь.
У царя того въ придворныхъ
Состоялъ стрѣлецъ проворный;
У стрѣльца же конь лихой,
Богатырскій, непростой.

Вотъ однажды на охоту
Къ заповѣдному болоту.
Онъ собрался пострѣлять...
Подтѣзжаетъ—и вдругъ глядь!
На луку—перо жарь-птицы:
Блещетъ отблескомъ зарницы,
Яркимъ пламенемъ горить.
Молодцу конь говоритъ:
—„Не бери перо златое,—
„Наживешь съ нимъ горе злое!“

Не послушался стрѣлецъ.
Взялъ перо и во дворецъ
Свезъ царю полюбоваться.
— „Ну, коль могъ ты постараться
„Перо дивное сыскать—
„Такъ изволь уже достать
„Мнѣ и самую жаръ-птицу,
„А не то башка на спицу!“
Царь строжайше приказалъ.

Горько молодецъ взрыдалъ
И пошелъ къ коню съ тоскою;
Конь печально головою
Покачалъ и говоритъ:
— „Много горя намъ грозить:
„Это только лишь начало!
„Но не бойся ты ни мало,
„А иди къ царю скорѣй
„И проси, чтобъ сто кулей
„Въ поле вывели пшеницы,
„Разбросали для жаръ-птицы“.

Царь исполнить повелѣлъ
Все, чего стрѣлецъ хотѣлъ.
Тотъ, съ зарей подѣхавъ къ полю,
Отпустилъ коня на волю
И за дерево присѣлъ.
Вдругъ лѣсъ ближній зашумѣлъ,
И, сія какъ зарница,

Показалася жарь-птица;
Опустилась на зерно,
И давай клевать его.
Подбѣжалъ къ ней конь стрѣлою,
На крыло ступилъ ногою
И къ землѣ его прижалъ...
Птицу молодецъ связалъ,
На-конь сѣлъ, какъ вихрь пустился,
Государю доложилъ.

Царь стрѣльца благодарилъ,
Чиномъ важнымъ наградилъ
И сказалъ:—„Коль ты жарь птицу
„Мнѣ досталъ, такъ царь-дѣвицу,
„Василису-свѣтъ красу,
„Золотистую косу,
„Мнѣ добудь теперь скорѣе;
„А найти ее вѣришь
„Тамъ, гдѣ солнышко изъ водъ
„Ярко, весело встаетъ.
„Привезешь мнѣ—жди награды,
„Нѣтъ—замучу безъ пощады!“

Горько молодецъ взрыдалъ,
Все коню пересказалъ.
—„То—не горе“ конь вѣщаетъ:—
„Больше горе ожидаетъ!
„Говорилъ: не тронь перо—
„Зло найдешь ты—не добро!

„Ну, да нечего страшиться—
„Надо только торопиться...
„Во дворецъ иди смѣлѣй,
„Лучшихъ винъ проси скорѣй,
„Яствъ корзину небольшую
„Да палатку золотую“.

Царь все выдать повелѣлъ.
На коня стрѣлецъ нашъ сѣлъ
И помчался быстрой птицей
За прекрасной царь-дѣвицей.

Много-ль времячка прошло,
Часто-ль солнышко взошло,—
Пріѣзжаетъ въ государство,
Въ то невѣдомое царство,
Гдѣ изъ гладкихъ, синихъ водъ
Солнце красное встаетъ.
Смотритъ: въ лодочкѣ хрустальной
По поверхности зеркальной,
Красна-дѣвица плыветъ,
Золотымъ весломъ гребетъ.
Давъ коню гулять по волѣ,
Молодецъ на чистомъ полѣ
Золотой шатеръ разбилъ,
Яства, вина разложилъ,—
И сидитъ себѣ, вкушаетъ,
Василису поджидаетъ.

Царь-дѣвица подплыла,
Въ золотой шатеръ вошла;
Винъ заморскихъ пригубнула
Да на мѣстѣ и заснула.
Молодецъ коня позвалъ,
Золотой шатеръ убралъ
И, царевну взявъ съ собою,
Въ путь отправился стрѣлою.

Пріѣзжаетъ въ стольный градъ;
Царь стрѣльцу до нельзя радъ,
Все вокругъ царевны ходитъ,
Глазъ съ нее на мигъ не сводитъ;
Молодца же обласкалъ,
Важный чинъ не медля далъ.

Василиса пробудилась,
Да про все какъ извѣстилась —
Стала плакать, тосковать,
По родной землѣ вздыхать.
Царь напрасно утѣшаетъ —
Василиса не внимаетъ
Царь вѣнцомъ ее манитъ,
А царевна говоритъ:
— „Пусть-ка тотъ стрѣлецъ удалый,
„Что привезъ меня, сначала
„Сѣздитъ въ царство, гдѣ изъ водъ
„Солнце красное встаетъ;
„Тамъ лежитъ средь моря камень,

„А подъ нимъ горить какъ пламень

„Подвѣчный мой нарядъ“.

Царь, что хочешь, сдѣлать радъ;

Шлетъ за преданнымъ слугою.

— „Отправляйся ты съ зарею

„Въ край далекій, гдѣ изъ водъ

„Солнце красное встаетъ;

„Тамъ лежитъ средь моря камень,

„А подъ нимъ горить какъ пламень

„Платье суженой моей,—

„Привози его скорѣй.

„Коль исполнишь—жди награды;

„Нѣтъ—замучу безъ пощады!“

Горько молодецъ взрыдалъ,

Все коню пересказалъ.

„То—не горе“ конь вѣщаетъ:

„Больше горе ожидаетъ!

„На меня живѣй садись,

„Къ синю-моря торопись!

Къ синю-моря подѣзжаютъ,

Низкій берегъ пробѣгаютъ;

Видитъ: ракъ ползетъ большой...

Конь немедленно ногой

Шейку рака прижимаетъ,—

Тотъ о жизни умоляетъ...

— „Хорошо, конь говорить:—

„Среди моря здѣсь лежитъ

„Преогромный, дикій камень,
„А подъ нимъ горитъ какъ пламень
„Платье дѣвицы царя;
„Прежде чемъ взойдетъ заря,
„Если ты его достанешь—
„Снова вольнымъ ракомъ станешь“.

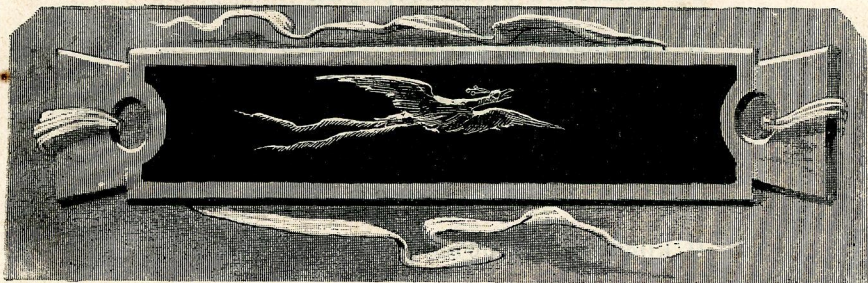
Ракъ не медля закричалъ,
Такъ что море всколыхалъ;
И на крикъ его могучій
Собралися раки тучей.
Старый ракъ имъ далъ приказъ—
И скорѣй чѣмъ черезъ часъ.
Дорогой нарядъ явился;
Молодецъ къ царю пустился
И пріѣхавши донесъ,
Что нарядъ съ собой привезъ.

Тутъ царевна задумала
И царю вновь объявила:
—„Не пойду я подъ вѣнецъ
„Пока молодецъ-стрѣлецъ
„Въ кипяткѣ не побываетъ;“
Царь сейчасъ-же посылаетъ
За бѣднягою стрѣльцомъ
И велитъ, чтобъ кипяткомъ
Чанъ огромный наполняли.
Слуги молодца связали
И къ царю его свели.

Поклонившись до земли,
Сталъ стрѣлецъ къ коню проситься,
Передъ смертію проститься;
Царь бѣднягу отпустилъ.
Конь стрѣльца заговорилъ
И сказалъ ему: „небойся:
„Будешь живъ—не безпокойся!“

Взяли слуги молодца
И у царскаго крыльца
Въ кипятокъ его швырнули
И три раза обунули.
Мигомъ выскочилъ стрѣлецъ,
Разудалый молодецъ.
Отряхнулся, поклонился
И красавцемъ объявился,
Да такимъ, что ни сказать,
Ни перомъ не описать!
Весь народъ стоялъ, дивился;
Старый царь-же взбѣленился,
Вздумалъ счастье попытать,
Молодымъ красавцемъ стать:
Въ чанъ, не мѣшкая, опустился
Да сейчасъ-же и сварился!
Схоронили дурака,
А намѣсто старика
Править царствомъ пригласили
И всѣмъ міромъ утвердили

Добра-молодца стрѣльца;
А для полного конца
Доскажу, что царь-дѣвица —
Въ той землѣ теперь царица;
Мужа любить, бережетъ,
Доброй матерью слыветъ.

Жилъ купецъ со своею купчихою
Въ неизвѣстномъ, заброшенномъ городѣ;
Далъ Господь имъ сыночка Василя,
Не по лѣтамъ живаго, веселаго.
Разъ втроемъ они вмѣстѣ обѣдали;

А надъ ними, въ камышевой клѣточкѣ,
Распѣвалъ голосистый соловушко,
И такъ пѣлъ, надрывался онъ жалобно,
Что купецъ на послѣдокъ не вытерпѣлъ.
И сказалъ про себя, въ раздраженіи:

— „Даль тому-бъ я, кажись, поль-имѣнія
„И по смерти вѣлючиль-бы въ духовную,
„Кто-бы эту тоску соловьиною
„Разгадалъ и повѣдалъ навѣрное
„Что та пѣснь предвѣщаетъ мнѣ въ будущемъ“

Мальчикъ—былъ онъ тогда еще махонькій—
Поглядѣлъ на родителей пристально
И сказалъ:— „Что вѣщаетъ соловушко,
„Знаю я, да открытъ опасаяся“.

Приставать къ нему стали родители:
„Говори, ничего не утаивай!“
И Василій, сквозь слезы, отвѣтствовалъ,
Что придетъ неволгѣ пора-времячко
Старики ему будутъ прислуживать:
Умываться подастъ ему батюшка,
Полотенце держать будетъ матушка.

Огорчились этимъ родители
И рѣшили сбыть съ рукъ свое дѣтище;
Смастерили неважную лодочку
И въ нее, ночьку выбравши темную,
Положили уснувшего мальчика
И пустили по морю открытому.
Въ ту-же пору изъ кѣтки соловушко
Прилетѣлъ на ладью одинокую
И усѣлся Васютѣ на плечико.

Тихо плаваетъ лодочка по морю,
Съ кораблемъ нагруженнымъ встрѣчается;
Увидалъ корабельщикъ Василя, —
Стало жаль ему бѣднаго мальчика;
Разспросилъ онъ его про родителей,
Взялъ къ себѣ и, какъ сына любимого,
Общалаъ содержать вѣки вѣчные.
Утромъ Вася отцу молвить новому:
— „Соловей напѣваетъ, что къ вечеру
„Буря сильная съ громомъ поднимется,
„Снасти всѣ изорветъ — исковеркаетъ —
„Надо въ мѣсто укрыться надежное“.
Корабельщикъ сына не послушался,
А подъ вечеръ гроза разыгралася,
Снасти всѣ порвала — поковеркала.
Дѣлать нечего: мачты поставили,
Паруса починили — наладили
И отправились по морю синему.

Снова молвить Васюта приѣмному:
— „Соловей говоритъ, что разбойники
„На шести корабляхъ повстрѣчаются
„И въ полонъ насъ возьмутъ, коль не спрячемся“.
На тотъ разъ корабельщикъ послушался,
Повернулъ свой корабль прямо къ острову
И увидѣлъ, какъ струговъ полдюжины,
Все разбойничьихъ мимо промчалось.

Корабельщикъ прождалъ, сколько надобно,
И отправился по морю далѣе.

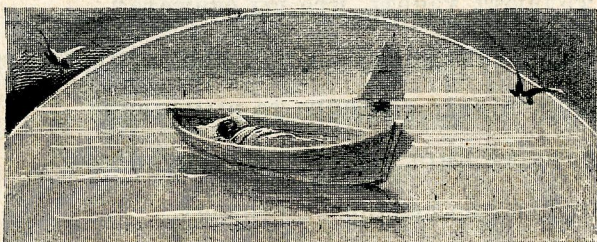
Прошло много-ли мало-ли времени
Приплываетъ корабль къ граду стольному;
А царя его мучить заботушка:
Сколько лѣтъ предъ дворцовыми окнами
Старый воронъ съ итенцомъ, съ воронихою
Днемъ и ночью безъ умолку кареаютъ
И отъ нихъ нѣту средства избавиться.
Объявилъ уже царь всюду грамоту,
Что кому отогнать посчастливится
Воронье отъ дворца государева—
Тому дастъ онъ царевну въ супружество
Съ полуцарствомъ за нею въ приданое;
Если-жъ кто на себя понадѣтся,
Порученье возьметъ и не выполнитъ—
Тому съ плечъ, въ тотъ-же день, снимутъ голову.
Породниться съ царемъ нашлись многіе,
Да своей головой заплатилися.

Вотъ дошла эта вѣсть до Василя;
Сталъ упрашивать онъ корабельщика
Отпустить во дворецъ, чтобы ворона
Отогнать отъ окна государева.
Тотъ его принялся отговаривать.
Да примѣтивъ, что мальчикъ не слушаетъ,
Говоритъ: — „Ну, смотри, коль недоброе,
„Что случится,—тогда ужъ не гнѣвайся!“

Вася тотчасъ къ царю собирается,
Объясняетъ ему все и требуетъ,
Чтобъ окно отворили немедленно;
Послѣ крику послушалъ вороньяго
И царю говоритъ: — „Сами видите,
„Что летаютъ здѣсь съ сыномъ два ворона,
„Спорять воронъ съ женой ворониhoю:
„Вороненокъ—его, или матери,
„И желаютъ узнать, что вы скажете.“
— „Безъ сомнѣнья,—отца“, царь отвѣтствуетъ,
И лишь только словечко то вымолвилъ —
Въ тотъ же мигъ воронье раздѣлилося:
Полетѣли два ворона въ сторону,
Ворониха въ другую пустилася.
Царь взялъ Васю въ покои дворцовые,
Какъ царевича началъ воспитывать,
А, когда онъ подросъ и сталъ мѡлодцемъ,
Обвѣнчалъ на красавицѣ-дочери,
Давъ полцарства за нею въ приданое.

Какъ-то вздумалось Васѣ проѣхаться,
По чужимъ государствамъ постранствовать;
Собрался и немедля отправился.
Вотъ, пришлось ночевать въ одномъ городѣ;
Утромъ всталъ и умыться потребовалъ.
Самъ хозяинъ Василью прислуживалъ,
Полотенце держала хозяйшка;

Сталъ царевичъ хозяевъ разспрашивать
И узнавъ, что его то родители,
Палъ къ ногамъ ихъ, рыдая отъ радости;
Послѣ взялъ ихъ съ собою на родину,
Гдѣ и зажили всѣ припѣваячи.

Жилъ старикъ со своею старухой,
И была у нихъ дочка-невѣста.
Вотъ старуха разсталася съ жизнью,
А старикъ, сорочины ей справивъ,
Не замедлилъ жениться вторично
На вдовѣ съ ея собственной дочкой.
Плохо стало старухиной дѣвѣ,
Нѣтъ житья ей отъ мачихи лютой,
Не даетъ она мужу покою:

— „Отвези свою дочь ты въ землянку,—
„Тамъ въ лѣсу нарядетъ она больше“.
Что тутъ дѣлать? ехидную бабу
Поневолѣ мужикъ нашъ послушалъ,
Свезъ бѣдняжку въ лѣсную землянку,
Далъ ей крупки, кремень да огниво,
И сказалъ сиротѣ, на прощанье:
— „Огонекъ не гаси, кушай кашку,
„Да пряди по прилежиѣ пражу“,
Стала ночка на землю спускаться;
Затопила дѣвица печурку,
Заварила овсяную кашку.
Выбѣгаетъ изъ подъ полу мышка;
Говорить:— „Дай мнѣ дѣвица кашки“.
— „Охъ ты, мышка, развѣй мою скуку.—
„И тебя накормлю я до сыта“!
Мышка поѣла и въ норку убралась.
Вотъ въ полночь косопланный вломился:
— „Ну, дѣвица, туши-ка лучину,
„Да давай побалуемся въ жмурки“.
Вмигъ изъ-подъ полу мышка явилась,
На плечо къ сиротинкѣ прыгнула
И чуть слышно ей на ухо шепчетъ:
— „Соглашайся, туши все въ землянкѣ
„Да скорѣй забирайся подъ печку,
„А играть и звонить въ колокольчикъ
„За тебя ужъ я, дѣвица, стану“,

Такъ и сдѣлала. Сталь косолапый
По избушкѣ за мышкой гоняться;
Бѣгалъ долго — никакъ не поймаетъ!
Сталь ревѣть да дровами кидаться;
Не попалъ, утомился и молвилъ:
— „Ну, ты въ жмурки играть мастерица!
„И за то я пришлю тебѣ утормъ
„Серебра возъ да стадо лошадокъ“.
Утормъ мачиха мужа торопитъ:
„Отправляйся, да дочку провѣдай—
„Много-ль въ ночь напярала она пряжи?“
Мужъ уѣхалъ, а баба гадаетъ,
Какъ-то косточки дочки прїѣдутъ!
Вотъ пришло время мужу вернуться;
За воротами лааетъ собачка:
— „Тяфъ-тяфъ-тяфъ! съ старикомъ дочка ѣдетъ,
„Лошадей стаде цѣлое гонить,
„Серебра возъ везетъ на придачу!“
— „Врешь, постылая!“ мачиха злится: —
„То въ мѣшечкѣ гремятъ ея кости!“
Заскрипѣли на петляхъ ворота,
Кони съ ржаньемъ на дворъ прибѣжали,
А старикъ на возу сидитъ съ дочкой,
И тотъ возъ серебромъ переполненъ.
У злой бабы глаза разгорѣлись!
— „Эка важность!“ кричитъ она мужу:
„Повези-ка ты въ лѣсъ мою дочку,

„Тазъ коней она вдвое пригонить,
„Серебра двѣ телѣги притащить!“

Вотъ отвезъ онъ и бабину дочку;
Далъ ей крупки, кремень да огниво
И оставилъ одною въ землянкѣ.
Стала ночка на землю спускаться;
Затопила дѣвица печурку,
Заварила овсяную кашку.
Выбѣгаетъ изъ подъ полу мышка,
Говорить: — „Дай мнѣ, дѣвица, кашки!“
Обругала та „гадиной“ мышку
И швырнула пустой въ нее ложкой.
Мышка въ норку скорѣе убралась,
А дѣвица, всю кашу поѣвши,
Огоньки позадула въ землянкѣ,
Прилегла и скоренько заснула.

Вотъ въ полночь косолапый вломился:
— „Эй, дѣвица, сыграемъ-ка въ жмурки!“
Та съ испуга совсѣмъ онѣмѣла
И молчить да со страху трясется.
— „Ну, бери колокольчикъ да бѣгай,
„Я-жъ тебя изловить постараюсь.“
Приняла колокольчикъ дѣвица, —
Руки дрожмя дрожать съ перенуга,
Колокольчикъ звенить неустанно,
А мышенокъ въ норѣ причитаетъ:

— „Не бывать злой дѣвицѣ живою,“
Сталь медвѣдь ловить бабину дочку
И, какъ только досталь ее лапой,
Задушилъ и всю скушалъ до-чиста.

Утромъ шлетъ старика злая баба;
— „Отправляйся за дочкой въ землянку,
„Серебра двѣ телѣги тащите,
„Да лошадокъ два стада гоните.“

Мужъ уѣхаль, а баба къ воротамъ
Дочку ждать на скамейкѣ усѣлась.

Вотъ залаяла вскорѣ собачка:

— „Тяфъ-тяфъ-тяфъ! нѣту бабиной дочки!
„Ѣдетъ мужъ на порожней телѣгѣ
„И гремитъ въ кузовочкѣ костями.“

— „Врешь, постылая!“ мачиха злится:—
„То домой ѣдетъ бабина дочка,
„Лошадей пригоняетъ два стада,
„Серебра возы цѣлые тащить.

„На—вотъ блинъ; говори: мою дочку
„Въ златѣ-серебрѣ къ дому доставятъ,
„Старикову-же замужъ не свалятъ!“

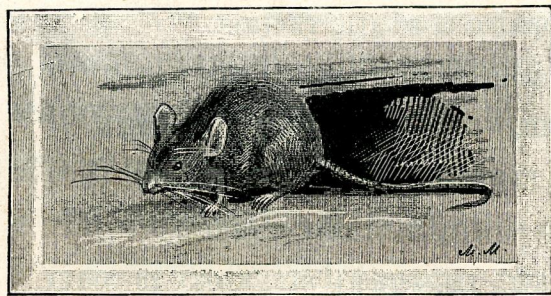
Блинъ поѣвъ, залилася собачка:

— „Тяфъ-тяфъ-тяфъ! старикову-то дочку
„Отдадутъ за богатаго парня,
„А отъ бабиной дочки обратно
„Привезутъ въ кузовкѣ однѣ кости!“

Что ни дѣлала баба съ собачкой

И блинами кормила, и била —
Знай-твердить ей все то-же, да то-же.
Глядь: а мужъ ужъ къ воротамъ подходитъ,
Кузовочекъ тяжелый подносить;
Баба поданный кузовъ открыла
Да какъ взвидѣла косточки дочки, —
Отъ великаго горя и злости
Надъ остатками дочки завыла
И разсталась съ душой черезъ сутки.

Стариковская дочь вышла замужъ
За хорошаго, честнаго парня,
Переѣхалъ старикъ къ нимъ на хлѣбы —
И втроемъ стали жить не горюя.

Ужъ, давно, когда-то встарь,
 Проживаль съ царицей царь;
 Двое дѣтокъ у нихъ было:

Василиса да Данило;
 Оба ласковы, скромны,
 И красивы, и умны.
 За дѣтьми смотрѣли строго,
 Нянекъ-мамокъ было много,
 Но царевну ни одна
 Убаюкать не могла, —
 Лишь у брата засыпала...
 Подойдетъ онъ къ ней, бывало,
 Къ себѣ на руки возьметъ,
 И качаетъ, и поетъ:
 „Баю-баюшки, родная,

„Вотъ какъ выростешь, тебя я

„Непремѣнно сговорю

„За царевича Илью.“

И царевна брату внемлетъ,

Улыбается и дремлетъ.

А года впередъ идутъ,

Братъ съ сестрицею растутъ;

Василиса хорошѣетъ,

А въ Данилѣ витязь зрѣетъ.

Собрался онъ разъ къ Ильѣ—

Погостить въ его землѣ;

Погостилъ, повеселился

И, домой какъ снарядился,

Звать Илью на лѣто сталъ,—

Тотъ пріѣхатъ обѣщалъ.

Лѣто красное проходить,

Дѣло къ осени подходить,

А Ильи и не видать,

Даже слыхомъ не слыхать.

Но вотъ разъ, когда всѣ спали,

И не ждали, не гадали,

А Данило отдыхалъ,

Онъ вошелъ и увидалъ

На стѣнѣ портретъ прелестной

Юной дѣвы неизвѣстной,

Въ тотъ-же мигъ плѣнился ей

И, въ горячности своей,

Вынулъ мечъ и замахнулся
На Данилу; тотъ проснулся,
Удивился и спросилъ,
Чѣмъ его онъ прогнѣвилъ
— „Вѣдь невѣста твоя это?“
Не спуская глазъ съ портрета,
Гость Данилѣ указалъ;
Тотъ съ улыбкой отвѣчалъ:
— „Ты напрасно не гнѣвися:
„То—сестра мнѣ, Василиса;
„Коли по сердцу—женись,
„А мнѣ братомъ назовись.“
Вмигъ Илья развеселился,
Цѣловать его пустился,—
И два друга обнялись,
Въ дружбѣ вѣчной поклялись.

Вотъ Илья домой собрался,
А Данило общался
Быть съ невѣстою-сестрой
Въ гости тою-же весной.
Два кораблика купили
И въ дорогу снарядили;
Въ первомъ братъ одинъ плыветь,
На второмъ сестру везетъ
Вѣдьма-нянька съ дочкой злою,
Безобразной и косою.—

Корабли себѣ летятъ,
Сине-море бороздятъ;
Говоритъ царевнѣ нянька:
— «Ты, родная, перестань-ка
„Въ платѣ брачномъ щеголять,
„А иди-ка почивать;
„Я перинку тебѣ взбила
„И постельку обрядила.“

Платѣ дѣвица сняла,
На кроватку прилегла;
Но лишь только что заснула —
Нянька вдругъ ее стегнула
И, въ утицу обратясь,
Василиса вмигъ взвилась
И надъ моремъ полетѣла;
Нянька-жъ дочь свою одѣла
Въ Василисинъ весь нарядъ, —
И обманщицы сидятъ,
Величаются, какъ крали.
Скоро къ берегу пристали, —
И Илья-царевичъ ихъ,
Посреди вельможъ своихъ,
Съ церемоніей встрѣчаетъ;
Послѣ тайно вынимаетъ
Изъ-за пазухи портретъ
И вдругъ видитъ; сходства нѣтъ!
Онъ ужасно разсердился.

На Данилу напустился,
Посадилъ его въ тюрьму
И велѣлъ давать ему
Только черный хлѣбъ съ водою;
Никого, подъ казнью злою,
До него не допускать,
Пуще глаза охранять. —

Ночь на землю опустилась,
И утица пробудилась;
Съ синя-моря поднялась,
Къ брату вихремъ понеслась.
Съ крыльевъ сыплеть словно жаромъ, —
И все царство, какъ пожаромъ,
Осіавши, у окна
Опустилася она.
Внутрь темницы заглянула,
Тяжело притомъ вздохнула,
Свои крылышки сняла,
Ихъ къ сторонѣ прибрала,
И, изъ сѣрой изъ утицы
Обернувшись дѣвицей,
Брату стала говорить:
— „Тошно, братецъ, тебѣ жить,
„Да томиться въ злой неволѣ;
„Не легко и мнѣ на волѣ
„Сѣрой уткою летать,
„Да по прошлому вздыхать!

„Злая нянька насъ стубила;
„Лечь меня уговорила,
„Снявъ нарядъ мой дорогой;
„Сонъ нагнала ворожбой,
„Послѣ прутикомъ стегнула
„И утицей обернула;
„А въ нарядъ мой, въ ту-же ночь,
„Нарядила свою дочь.“

Братъ съ сестрой нагоревались
И предъ зорькою разстались.

Донесли сейчасъ Ильѣ:

— „Такъ и такъ, въ вечерней мглѣ,
„Съ моря утка прилетала,
„Все собою осіяла.“

И царевичъ всѣмъ велить,
Чтобъ, какъ утка прилетитъ,
Той минуты ожидали
И ему извѣстье дали.—

Тише боръ-сырой шумить,
Тише валъ морской бѣжить;
Ночь на землю опустилась,
И утица пробудилась,
Съ синя-моря поднялась,
Къ брату вихремъ понеслась.
Съ крыльевъ сыплетъ словно жаромъ—
И все царство, какъ пожаромъ

Освѣтивши, у окна
Опустилася она.
Внутрь темницы заглянула,
Тяжело притомъ вздохнула,
Свои крылышки сняла,
Ихъ къ сторонкѣ прибрала—
И изъ сѣрой изъ утицы
Обернулася дѣвицей.
Вмигъ Илья съ постели всталъ
И къ темницѣ побѣжалъ;
Увидавши крылья утки,
Онъ, не медля ни минутки,
Сжечь ихъ тотчасъ-же велѣлъ;
Самъ же къ двери слушать сѣлъ
Разговоръ сѣрой утицы.
— „Тошно жить тебѣ въ темницѣ,“
Рѣчь царевна завела
И Данилу обняла:—
„Истомишься ты въ неволѣ!
„Но и мнѣ, мой другъ, на волѣ
„Тяжко уткою летать,
„Да по прошлому вздыхать!
„Злая нянька насъ стубила:
„Лечь меня уговорила,
„Снявъ нарядъ мой дорогой;
„Сонъ нагнала ворожкой,
„Послѣ прутикомъ стегнула

„И утицей обернула,
„А въ нарядъ мой, въ ту-же ночь,
„Нарядила свою дочь.“

Отворилъ Илья темницу,
Сталь ловить скорѣй дѣвицу;
Та къ окну: анъ, крыльевъ нѣтъ!
А Илья за нею влѣдъ,
Обхватилъ ея руками
И, какъ разными звѣрями
Ни являлася она,
Чтобъ добратся до окна,
Колдовства не испугался
И съ добычей не разстался.
Вотъ она веретеномъ
Обернулася потомъ...

Вмигъ царевичъ, его взявши,
На двѣ части разломавши,
Кончикъ бросилъ за спиной,
Корешокъ же — предъ собой:
И, откуда ни возмнися,
Предъ Ильею Василиса
Вдругъ явилась, застыдясъ...

Красотой ея плѣнясь,
Сталь Илья просить прощенья,
Гнѣву прошлому забвенья,
И Данило все простилъ,
А сестру благословилъ

На замужество съ Ильею;
И чрезъ три дня пиръ горою
Молодыхъ уже встрѣчалъ,
Всѣмъ о свадьбѣ возвѣщалъ.
Долго гости пиروвали...
Няньку-жъ съ дочкой отослали
Такъ далеко, что о нихъ
Даже слухъ совсѣмъ затихъ!

М. М.